

Время надежд и открытий

Таковыми для орловских писателей были предперестроечные 1980-е

Рамки Приокского книжного издательства, базировавшегося в Туле, уже были тесноваты для окрепшей, многоголосой организации. Поэзия Виктора Дронникова и Александра Логвинова, проза Ивана Рыжова и Игоря Лободина, рукописи других орловских авторов получали широкое признание, регулярными были публикации в центральных литературных журналах. А потому мечталось и о возрождении орловского книжного издательства, и о создании в Орле литературного альманаха или даже, собственного «толстого журнала».

С мощной энергией взялся за воплощение замыслов драматург и прозаик Леонид Моисеев, возглавивший писательскую организацию осенью 1989 года. Сметались прежние устаревшие каноны, в водовороте событий рождалось новое. Уже через считанные месяцы Моисеев создаёт литературную газету «Вешние воды», а в сентябре 1990 года на базе писательской организации начинает работу новое одноимённое издательство, которое возглавил Александр Лысенко. Четверть века до этого в городе богатейших литературных традиций — Орле — не было издательства, и вот «Вешние воды» стало радовать читателей прекрасными новинками: орловские книги Геннадия Попова, Ивана Рыжова, Ирины Семёновой, Вадима Ерёмкина и многих других появились в книжных магазинах, на полках библиотек. В Орёл переехал из Москвы наш земляк Николай Родичев, долгие годы работавший в столичных издательствах «Советский писатель» и «Московский рабочий», и вскоре уже на

« В 1990 году на базе Орловской писательской организации начинается работу издательство «Вешние воды».

малой родине вышли в свет его книги «Домотканная жизнь», «У жизни в гостях». Всероссийское признание Орловская писательская организация получила на рубеже 1990 — 2000-х годов. Летом 1994 года в Доме Союза писателей России в Москве состоялось заседание литературной горницы, где свои произведе-

В печати появились прекрасные прозоведения Виктора Дронникова, Ивана Рыжова, Василия Катанова, Геннадия Попова, Ирины Семёновой, — все Россия обращает внимание на Орёл

« А в октябре 1994 года в Орле прошёл объединительный пленум правления Союза писателей, имевший ключевое значение для дальнейшей деятельности писательского сообщества России.

ния представили орловцы Виктор Дронников, Иван Рыжов, Василий Катанов, Ирина Семёнова, Геннадий Попов. Самые благожелательные отклики появились в центральной прессе, на те-

седателя правления Союза писателей России В. Н. Ганичева, «в единое духовное ядро тех, кто следует русской классике и кто стоит на страже русского языка». На этом пленуме родилась знаменитая формула: «Орёл — третья литературная столица России». Тогда же впервые в России с участием региональной администрации были учреждены Всероссийские литературные премии: имени И. А. Бучина, А. А. Фета, Н. М. Карамзина.

После смерти Леонида Моисеева руководителем писательской организации был избран Геннадий Попов. Писатели Орловщины активно участвовали в общероссийских встречах и литературных акциях: дни литературы в республиках и областях страны, издание совместных литературных сборников и тематических номеров журналов, творческие се-

минары и конкурсы. Многие были отмечены всероссийскими литературными премиями, почётными званиями, государственными наградами.

В 1990-е и начале 2000-х годов организация активно пополнялась новыми «золотыми перьями». Одним из самых заметных обладателей членского билета Союза писателей стал поэт и тележурналист Владимир Переверзев. Литературные критики видели в нём представителя поколения «после Мандельштама», продолжателя дела Прасолова и Рубцова. Поэт и критик Александр Суворов подметил: «Из общей массы, движущейся в течении неостановимого литературного процесса, Переверзев выделяет то, что он изначально, практически с первых своих стихотворных строк, явился в русской поэзии как светлая и духовно ясная личность, его стихи проливаются как ровное и ясное озарение среди безвременья».

Казалось бы, те годы совсем недалеко отстоят от сегодняшнего дня. Но и они уже стали историей: закончен земной путь Геннадия Попова и Ивана Рыжова, Вадима Ерёмкина и Владимира Переверзева... Творческий вклад этих писателей и их коллег в развитие литературного процесса Орловщины весом, а традиции продолжены современниками.

Алексей КОНДРАТЕНКО

Иван РЫЖОВ

ОРЛОВСКАЯ

Улица. Переход. Базар. Запахи — не продохнуть: петрушка, эстрагон, огурцы... Иду, нюхаю, восхищаюсь.

— Бабуля, сколько стоит?

Молчит, вскидывается, говорит:

— Сколько дашь, сыночек.

Отглядываю, замираю: огурцы светло-зелёные, прямые, тонкие — прелесть. Помидоры не привозные, орловские — на вкус кисло-сладкие, розовые, петрушка завялая, стручки перца кривые, бледные, а рядом хохлушки со своим товаром: там всё ярче, гластее... Гомон, крик.

Летнее утро. Запахи. Душно.

— У меня всё чистое, настоящее, — говорит она, старая, печальная, почему-то невыразимо близкая. И я отворачиваюсь от тех, бойких, крикливых, и опять спрашиваю:

— Хватит?

А она низко кланяется, говорит «спасибо», а запахи всё плывут и плывут, всё толще толпа народа, и она, такая старая, необходимая. Орловская...

Виктор ДРОННИКОВ

Кто этот мир? И что мы сами?

Перетекают жизнь и смерть...

О, если б Божьими глазами

Хоть раз на землю посмотреть.

Вот почему светло и слепо

Когда зияют небеса —

Я запрыкиваю в небо

Осиротевшие глаза.

Не удержат звезды в ресницах...

Но сколько лет, но сколько лет

Душа сама летит, как птица,

На Божий свет! На Божий свет!

Когда-нибудь родное небо

Меня приблизит без следа...

Не говорите: был или не был?

Я там, я там, где был всегда...

Геннадий ПОПОВ

СИРЕНЬ

Так незаметно расцвела сирень...

Над миром солнце отмеряет сроки.

И падает сиреневая тень,

И ворошит сиреневые строки.

Весь белый свет в сиреновом цв. гу,

А прошлое — в сиреновом тумане.

И время, набирая высоту,

Всё кружит и никак не перестанет.

А небеса безоблачно чисты.

В листьях весенней — яркие просветы.

Ещё не все в сиреновом кусты,

И не на всё получены ответы.

Несу в руках сиреневый букет:

Свиданья жду во времени нескором...

Нас так давно уже в помине нет.

Но есть сирень за стареньким забором.

Александр ЛОГВИНОВ

Октябрь. Листопад, непогода.

Тревога и мука в груди.

Во имя разбоа иль Бога

Свои мы избрали пути?

Туманы, туманы за нами,

Болотная топь да дымы.

И только надеждой да снами

Взвываем о будущем мы.

Как будто года и години

Сердца изморозили всех.

И плачут, и плачут рябины

Тяжёлыми гроздьями в снег.

Владимир ПЕРЕВЕРЗЕВ

КАМЕННАЯ КНИГА

Из немоты, из глухоты, из чрева

Земли, которой правда не нужна,

Она встает — без нежности, без гнева,

Безумным справа и безумьем слева, —

Загадочные чужие письмена.

Я знаю, эта книга превратится

В сосну, в ручей, в покатые холмы,

И в страничку, и в чистую страничку,

И в никому неведомую птицу,

И в молнию, разящую из тьмы.

Не дай прожить пустынною, природа!

Дай прочитать холмы и письмена,

Где в каждом камне — продолжение рода,

Где каждый знак — на языке народа,

Где каждый злак родного небосвода

Касается,

где каждый стяг — страна.